

21. *Срібняк І. В.* Полонені українці в Австро-Угорщині та Німеччині. С. 168.
22. ГАЖО. Ф. 1644. Оп. 1. Д. 15. Л. 18, 21, 26, 31, 42, 44, 47.
23. Лохвицьке слово. 1918. 27 листопада.
24. *Срібняк І. В.* Полонені українці в Австро-Угорщині та Німеччині. С. 169.
25. ЦГАВОУ. Ф. 1035. Оп. 1. Д. 22. Л. 83.
26. Там же. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 140. Л. 2, 4.
27. ЦГАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–1об.
28. Мариупольский вестник. 1918. 22 октября.
29. Приднепровский голос. 1918. 12 октября.

А.А. Дудина

**Русский комитет помощи военнопленным
в Стокгольме и русская эмиграция в Швеции
в годы Первой мировой войны**

История русско-шведских (как, впрочем, и русско-скандинавских) отношений времен Первой мировой войны остается до сих пор сравнительно малоизученным вопросом в отечественной и зарубежной историографии. Только в последние годы стали выходить работы, в которых освещаются вопросы политических и экономических отношений двух соседних стран в этот напряженный момент истории. Такие проблемы, как взаимные подозрения, вопрос вступления Швеции в войну на стороне того или иного противоборствующего блока и налаживание товарообмена между странами в условиях распада прежних экономических связей, в той или иной степени освещены в работах российских и шведских историков¹.

Однако представляется, что не только эти безусловно крайне важные и интересные вопросы заслуживают внимания историков. Пожалуй, еще ни один из отечественных или зарубежных исследователей не обратил внимание на то, что в XX в. именно годы Первой мировой

были тем временем, когда на территории Швеции одновременно проживало наибольшее количество российских граждан, за исключением периода, последовавшего после распада СССР. История русской эмиграции в Швеции является до сих пор вопросом слабо изученным, в первую очередь в силу своей малочисленности, и, как следствие — «незаметности». Если историки употребляют словосочетание «русская эмиграция в Швеции», то, как правило, они имеют в виду большевистскую нелегальную эмиграцию, предшествовавшую революции. Самым ярким примером подобного рода исследований является монография шведского историка Ханса Бьёркегрена «Русская почта: русские революционеры в Северных странах в 1906–1917 гг.», в которой автор подробно освещает и анализирует подпольную работу русских революционеров в Швеции². В более ранних периодах истории тем более не найдется примеров сколько-нибудь массового выезда русских в эту скандинавскую страну. До начала XX в. можно говорить лишь об отдельных случаях эмиграции русских в Швецию, например, о перебежчике Г. Котошихине, перебравшемся в Швецию в XVII в.³ или о С. Ковалевской; можно также упомянуть русских путешественников, посещавших Швецию⁴, или русских коробейников, рабочих-точильщиков, искавших в Швеции заработок в начале XX в.⁵

Иными словами, только в годы Первой мировой войны впервые пребывание русских граждан в соседней Швеции стало массовым явлением. Русские становились заметным и даже существенным явлением экономической, культурной и общественно-политической жизни Стокгольма. В это время в столице Швеции по инициативе посланника Анатолия Васильевича Неклюдова при русской дипломатической миссии был основан и практически на протяжении всей войны успешно работал Русский комитет, позднее упоминаемый в документах как «Русский комитет помощи военнопленным в Стокгольме». Несмотря на то, что в его названии говорится только о военнопленных, с самого начала задачи комитета были гораздо более широкими, чем помощь пленным русским солдатам и офицерам. Первоначально причиной для его создания стал «наплыв русских из Германии», начавшийся сразу же после объявления войны⁶. В проекте «Положения о русском комитете в Стокгольме» были указаны четыре группы русских подданных, которым комитет должен был оказывать помощь: русские подданные, воз-

вращавшиеся в Россию через Швецию; русские подданные, застигнутые войною за границей; русские подданные, оставшиеся в местностях, занятых неприятелем; русские военнопленные во вражеских странах⁷. Предположительно, этот проект был создан еще в 1914 г.; однако в реальности комитету пришлось иметь дело и оказывать помощь и другим группам россиян, чем предполагалось изначально. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение тех групп граждан, с которыми в годы войны взаимодействовал Русский комитет, а также их влияние на облик Стокгольма времен Первой мировой войны.

Конечно, более всего в помощи русской дипломатической миссии и комитета — как материальной, так и моральной — нуждались русские военнопленные. Не вдаваясь в правовые и политические тонкости, отметим, что в первую очередь, комитет помогал русским военнопленным-инвалидам, транспортируемым в Россию через нейтральную Швецию (именно через нее шел обмен пленными между Россией и Центральными державами⁸). В основном заботу о пленных брал на себя шведский Красный Крест⁹, при посредничестве которого и происходил обмен пленными. Им осуществлялась транспортировка русских пленных по Швеции на специально оборудованных поездах, а также организация ухода и питания. Однако в этой работе принимали активное участие и члены Русского комитета. Так, во время остановок они приходили к поездам, разносили подарки, сигареты и деликатесы. Немаловажным было и то, что во время этих кратких визитов русские пленные имели возможность впервые за многие месяцы поговорить на русском языке, что конечно, поднимало моральный дух: о работе членов комитета солдаты и офицеры оставляли самые теплые отзывы¹⁰. Благодаря стараниям членов Русского комитета, раненых военнопленных размещали в шведских больницах; им обеспечивался надлежащий уход¹¹. Помощь оказывалась и тем пленным, которые самостоятельно добирались до России — их встречали на вокзалах и размещали в гостиницах, а также предоставляли питание. Особенно радовало наших пленных то, что отношение к ним было лишено всякого осуждения или подозрительности: «Там никто нас не допытывал и не сомневался в нашем происхождении: не немецкие ли-де мы шпионы? Никто нас не попрекал и не указывал на отрицательное отношение к военнопленным»¹². Помимо помощи пленным, оказавшимся непосредственно в Швеции,

комитет также оказывал посильную помощь тем, кто все еще находился в немецком и австрийском плену, — с ними велась переписка, а также отправлялись денежные средства и провизия¹³. Комитет активно занимался и тем, что давал справки находившимся в России людям, обеспокоенным судьбой своих родственников¹⁴.

Однако помощь военнопленным была только одной стороной деятельности Русского комитета. Как уже упоминалось выше, толчком к созданию комитета послужил наплыв русских, в спешке покинувших Германию в самом начале войны и устремившихся в Швецию. Прибыв в Стокгольм, в панике они обращались в российскую дипломатическую миссию и просили срочной помощи¹⁵. Многие из них были рабочими, «застигнутыми врасплох войною»¹⁶. Отношение к ним было таким же гостеприимным, как и к пленным: организовывались встречи на вокзале и размещение в гостиницах¹⁷; самым бедным выдавалась теплая одежда и оказывалась необходимая медицинская помощь¹⁸. На средства комитета покупались билеты для проезда в Россию¹⁹. Велась и информационная работа: беженцам помогали связываться с близкими, оставшимися в Германии; тем из них, кто по тем или иным причинам не мог определиться со своими дальнейшими планами, предоставлялась работа²⁰. Помощь беженцам оказывалась и в виде переотправки писем, поиска багажа и выдачи справок²¹.

Таким образом, основная деятельность комитета заключалась в оказании самой различной помощи русским военнопленным и беженцам. Последние могли вплоть до нескольких месяцев оставаться в стране и даже находить себе временную работу. Согласно оценкам русской прессы того времени, число русских резидентов одного только города Стокгольма весной 1915 г. достигало 15 тыс. человек²². Официальная статистика дает более скромные цифры. Однако и ее результаты четко показывают, что именно в середине войны произошел самый существенный скачок: если в 1915 г. в Стокгольме было официально зарегистрировано 1367 русских, то в феврале 1916 г. их было уже 4016, а спустя несколько недель — 8891²³.

Картина русского Стокгольма будет далеко не полной, если исключить из нее еще одну группу русских, чье появление в Швеции также было связано с войной. Это были те предприимчивые люди, которые либо не хотели оставлять занятие международной торговлей из-за войны

и нарушения привычных экономических связей, либо те, кто, напротив, только с началом всеевропейского конфликта решил заняться коммерцией и нажиться на этом. В лице Германии Россия лишилась своего главного торгового партнера, искать новых пришлось среди союзных и нейтральных стран²⁴. «В числе приоритетных партнеров, в силу географического положения и специфики экономической структуры, оказалась и Швеция»²⁵. Экономическое сотрудничество представлялось взаимовыгодным: Россия испытывала недостаток в промышленных изделиях и оборудовании, в то время как Швеции было необходимо российское сырье²⁶. Среди тех, кто в это время отправлялся с коммерческими целями в Швецию, были как простые контрабандисты, так и серьезные предприниматели, обладавшие как капиталом, так и опытом ведения международного бизнеса. Позднее можно было услышать, что именно эта категория оказывала серьезную помощь тем русским, которые бежали в Швецию после революции в России²⁷. О деловой активности русских коммерсантов в Швеции свидетельствует и то, что с 1915 г. и на протяжении всей войны в Стокгольме издавалась русскоязычная газета «Скандинавский листок», ориентированная в основном на русских коммерсантов, приехавших налаживать торговые отношения со Швецией. Практически весь контент газеты был ориентирован именно на русских предпринимателей. На страницах газеты печаталась именно та информация, которую затруднительно было получить без знания шведского языка и особенностей шведской экономической конъюнктуры.

Как ни парадоксально, но в то же время закономерно увеличилось и число русских туристов. Об этом свидетельствуют, например, статьи в уже упоминавшемся «Скандинавском листке», в которых рекламировались шведские курорты и рассказывалось о том, как русский путешественник наконец-то постепенно открывает для себя Швецию²⁸. А.В. Неклюдов в своих мемуарах также отмечал увеличение числа русских путешественников и размышлял о том, что таким способом осуществлялась глубоко укоренившаяся в русских привычка выезжать за границу, для которой даже война не смогла стать серьезным препятствием²⁹.

А.В. Неклюдову принадлежит и довольно интересная мысль о том, что приезжающие из России в Швецию люди приносили в жизнь

Стокгольма «Петербургскую атмосферу» и это заставляло всех чувствовать себя ближе к России. «Ни на одном другом посту я не мог так держать руку на пульсе России, как в Стокгольме» и, по словам Неклюдова, это была «*Россия, перевезенная в Швецию*»³⁰.

Таким образом, изучая деятельность Русского комитета, с одной стороны, можно довольно много узнать о том, какие меры предпринимались русским правительством и частными лицами для помощи военнопленным. По мнению Неклюдова, это была первая организация в России, всерьез озаботившаяся судьбой русских пленных: получив несколько писем с просьбами о помощи, они тут же начали работу и смогли развернуть ее в серьезном масштабе³¹. Один из пленных, проезжавших через Стокгольм, писал впоследствии, что этот комитет появился задолго до возникновения подобных организаций в России³². Его деятельность интересна еще и потому, что через нее можно получить неплохое представление о русском дипломатическом представительстве в годы Первой мировой войны. Тем более, что по этой теме до сих пор «отсутствуют комплексные исследования»³³. В состав комитета (который со временем настолько расширился, что в нем появились отдельные должности и распределение обязанностей³⁴) входили не только представители дипломатического корпуса, но и духовенство Русской Православной церкви Стокгольма³⁵, представители русской элиты, проживавшие в Швеции³⁶, а также лица из числа самих беженцев, решивших задержаться в Швеции и помочь в этой работе; были среди членов комитета и шведы³⁷. На почве благотворительной деятельности дипломатическая миссия и Русский комитет сумели объединить вокруг себя русских жителей Швеции и стать центром «Русского Стокгольма». Впоследствии нечто подобное произойдет и с представителями последнего дореволюционного дипломатического представительства. Оно стало одним из центральных факторов в образовании русской диаспоры в Швеции после 1917 г.

Примечания

1. Историографию данного вопроса подробнее см.: *Новикова И.Н.* Между молотом и наковальней: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 13–15.

2. *Björkegren H.* Ryska posten: De ryska revolutionärerna i Norden 1906–1917. Stockholm: Bonnier, 1985; см. также: *Futrell M.* Northern underground: Episodes of Russian revolutionary transport and communications through Scandinavia and Finland, 1863–1917. London: Faber&Faber, 1963.
3. Подробнее об истории бегства Г. Котошихина см.: *Коваленко Г.М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 102–109.
4. *Кан А.С.* Швеция глазами русских путешественников (1817–1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1983. № 4.
5. *Чернышева О. В.* Шведы и русские: образ соседа. М.: Наука, 2004. С. 144–145; *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 180.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1463. Оп. 2. Д. 212. Л. 1.
8. *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. №1. С. 94.
9. *Nekludoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911–1917. London: J. Murray, 1920. P. 366.
10. Ibid. P. 367.
11. Ibid. P. 359.
12. РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
13. *Nekludoff A.* Op. cit. P. 359.
14. Ibid. P. 360.
15. Ibid. P. 358.
16. РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
17. Всего в списке комитета было 22 отеля (РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.).
18. РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
19. Там же. Л. 4.
20. *Nekludoff A.* Op. cit. P. 359.
21. РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
22. Скандинавский листок. 1915. №1. С. 1.

23. *Gustavsson S.* Ryssar // Det mångkulturella Sverige: En handbook om etniska grupper och minoriteter / Red. I. Svanberg, H. Runblom. Stockholm: Gidlund; Uppsala: Centrum för multietnisk forskning, Univ., 1989. S. 336.
24. *Новикова И.Н.* Торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» как источник для изучения российско-шведских экономических отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: РХГА, 2008. С. 238.
25. Там же.
26. Эта мысль высказывалась в: *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М., 1964. С. 11; *Новикова И.Н.* Торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» как источник для изучения российско-шведских экономических отношений периода Первой мировой войны. С. 238; *Чернышева О.В.* Указ. соч. С. 63.
27. *Nekludoff A.* Op. cit. P. 383.
28. См., напр.: Наши северные соседи // Скандинавский листок. 1915. № 1. С. 3; Русские туристы и Швеция // Скандинавский листок. 1916. № 114. С. 2.
29. *Nekludoff A.* Op. cit. P. 382.
30. Ibid.
31. Ibid. P. 359
32. РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
33. *Новикова И.Н.* Между молотом и наковальней... С. 10.
34. *Nekludoff A.* Op. cit. P. 360.
35. Ibid. P. 358.
36. РГВИА. Ф. 13798. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
37. *Nekludoff A.* Op. cit. P. 358.